
Л.А. Беляев

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ПРИ *RYSKA KYRKAN* (ВИСБЮ, О. ГОТЛАНД): УТОЧНЕНИЕ АТТРИБУЦИИ*

Статья посвящена датировке и культурному определению двух погребальных объектов, найденных при раскопках «Русской церкви» (*Ryska kyrkan*) в Висбю (о. Готланд, Швеция). Сравнительный анализ одного из них, близкого к традиции Лильестенар, показывает, что его собственная дата лежит в пределах XII–XIV вв., а художественные особенности характерны скорее для Западной Европы, прежде всего Англии, конца Средневековья. Это не стандартное надгробие такого типа, а сложная композиция, включающая изображение крупных и сочных листьев, не похожих на схематические орнаменты Вестергётланда. Второй объект, каменная обкладка в форме человеческого тела с нишей для головы, до сих пор связывалась с русской (новгородской) традицией (О.М. Ионнисян и др.). Но в этом случае ее нужно датировать не ранее конца XIV в., т.к. только с этого времени антропоморфные гробы входят в употребление на Руси, причем исключительно в Московском княжестве. Обкладка из Висбю, очевидно, принадлежит к западной ветви традиции антропоморфных вместилищ для человеческого тела: такие вырубki известны в Европе с X–XI вв., в виде обкладок они появляются в ходе Крестовых походов в XII в., а как целые саркофаги – позже, в XIII в. Они хорошо известны и в Скандинавии. В итоге, идентификация выкладки из Висбю меняется: эта модель не занесена сюда из Руси, в Новгороде таких изделий просто нет. Что касается целых саркофагов из известняка, то они начнут появляться на Руси не ранее конца XIV в. Таким образом, при раскопках *Ryska kyrkan* не найдено ничего собственно русского. Новая интерпретация погребального комплекса в Висбю вносит изменение и в историю погребальных сооружений Руси. Это позволяет привлечь к обсуждению проблемы появления белокаменных саркофагов Москвы групп каменных обкладок с нишей для головы, распространенных в Северной Европе.

Ключевые слова: погребальный обряд, антропоморфные саркофаги, надгробия с лилиями, Великий Новгород, Москва, архитектура Средних веков

* Статья подготовлена в рамках коллективной плановой темы ИА РАН, № НИОКР 122011200385-1.

В фокусе исследований А.В. Назаренко, как известно, лежали политические и духовные контакты Древней Руси, Византии и средневекового Запада. В этой области нет мелочей, в дело идет любое свидетельство кросс-культурных связей, в том числе материальных и художественных. В этой связи представляется важным рассмотреть сюжет уже известный, но до сих пор воспринимавшийся как периферийный и, во всяком случае, вполне ясный. Речь о погребальных сооружениях, открытых при раскопках в Висбю возле *Ryska kyrkan* («Русской церкви») на восточной стороне главной площади (*Stora torget*).

Следует оговорить, что автор статьи – не специалист по древностям Готланда. Однако погребальные памятники этого острова давно меня интересовали в связи с объектами, которые встречаются и на кладбищах Руси. Это антропоморфные саркофаги. Попутно обозначились поправки к хронологии руин Русской церкви. Такой комментарий, думаю, окажется полезен и тем, кто исследует средневековые древности Швеции, и археологам, занятым изучением русской культуры.

На Готланде византийские памятники искусства и их вероятную связь с Древней Русью, как известно, отметил еще Туре Арне в начале XX в. С последней четверти столетия (см.: Шаскольский 1991. С. 134–143) этой областью контактов занимаются все пристальнее. За полвека сделано много. Торговые и культурные связи Готланда с Великим Новгородом и, наряду с этим, с Западной Русью (Полоцком, Смоленском) проступают все яснее. Четверть века назад была издана книга шведского ученого Эрланда Лагерлёфа о готландских «византинизмах», где тема древнерусских контактов отчасти растворилась в изучении восточно-христианского флёра (Lagerlöf 1999; рецензия: Липатов 2001. С. 281–288). Идет дискуссия по уточнению линий трансфера между Византией и Скандинавией: «русская» часть пути сдвигается от Старой Ладogi и Новгорода в сторону бассейна Десны и верховьев Днепра (Андрoшук 2014. С. 199–212). Особое внимание привлекают признаки воздействия Византии в монументальной живописи. Им посвящено много работ, от поздней статьи патриарха русско-финской архитектуры Ивана Николаевича Кудрявцева (Кудрявцев 1988), сопровождавшейся краткой заметкой классика новгородской реставрации Г.М. Штендера, до исследований Светланы Ярославовны Васильевой (ныне Свенссон), активно работающей на этом направлении и сейчас (Васильева 2010; Vasilyeva 2009). Меньше внимания уделялось архитектуре, хотя по крайней мере две церкви Висбю давно рассматривают как прямые свидетельства контактов Готланда с Новгородом: *Ryska kyrkan* (неизвестного посвящения) и св. Ларса (Иоаннисян 2007. С. 99–135). При этом в отношении второй из них внимание не сосредоточено, как обычно, на бросающемся в глаза сходстве плана и осо-

бенностей организации пространства (проходы и лестницы внутри стен) с храмом св. Пятницы на Торгу (1207 г.) в Новгороде и, опосредованно, с романо-готическими храмами Смоленска, Полоцка и тех земель, где работали зодчие Западной Руси (Беляев 2010. С. 12–24; с учетом уточнений: Седов 2019. С. 40–49). О.М. Иоаннисян подчеркнул чисто местные технологии каменного строительства и декоративной резьбы, перспективный портал, неоспоримо северо-романскую объемную композицию. Для церкви св. Ларса он предложил дату, близкую к 1207 г., которую возможно (но не обязательно) следует воспринимать как *terminus post quem*.

Для Русской церкви, не столь сложной в архитектурном отношении и сохранившейся лишь в уровне фундамента и начала кладки, внятных указаний на хронологию нет. Считается, что это церковное место могло находиться в распоряжении купцов из Руси очень рано (XI в.?), что во второй половине XV–XVI вв. храм еще функционировал; к концу XVII в. на его месте оставалась руина. В 1971 г. была археологически открыта восточная часть церкви (Falsk 1971. S. 85–93)¹. Все писавшие о ней пытались уточнить хронологию, опираясь на остатки кладбища, открытые у храма (в основном к югу, востоку и, частью, к северу). Вальдемар Фальск отметил нетипичный (?) антропологический облик погребенных (но данных не привел) и особое положение рук, соединенных в нижней половине костяка. Отсутствие чертежей лишает возможности оценить, насколько они сходны с обычными погребениями православных кладбищ, где руки обычно соединены кистями в нижней части груди или на животе.

Для определения хронологии и установления культурной традиции этого мало. Остаются погребальные сооружения из камня, до сих пор, как представляется, изученные недостаточно.

Первый объект – надгробный камень, лежавший вдоль южной стены храма. Он близок к типу «камней с лилией» (*Liljestenar*, согласно шведской терминологии), хорошо известных на Готланде, но имеет более сложную и развитую композицию, представляя редкий экземпляр резьбы в довольно высоком рельефе. При публикации его датировали временем около 1200–1250 гг. и определили как уникальный не только для Висбю, но и для Швеции в целом. О.М. Иоаннисян предположил возможную связь с работой ломбардских мастеров, строивших собор в Лунде, и саму резьбу определил как «ломбардскую». Но осторожно поставил прилагательное в кавычки.

К сожалению, в моем распоряжении имеется лишь слабый отпечаток, опубликованный в статье (Falsk 1971. Fig. 20). Но общее представление он дает. Перед нами композиция, схема которой восходит к уплощенным

¹ Благодаря Е.А. Мельникову и С.Я. Васильеву (Свенссон) за помощь в подборе шведской литературы.

крышкам раннесредневековых саркофагов, где ось превратилась в ствол дерева, а ребра скатов – в его корни или иные формы опор, в конечном счете ассоциированные с Голгофой, также как дерево – с Животворящим Крестом и Древом Иесеевым (ср. плиту XII в. из собора в Линкольне, Англия: Zarnecki 1986. Р. 159–172). Это, конечно, не близкие ассоциации, но для надгробной плиты они уместны. На Западе известна масса средневековых аналогов в более или менее разработанных версиях, например, на крышке саркофага Альфонсо Ансуреца (1093, Мадрид, Нац. археологический музей: Hassig 1991. Р. 140–153; The Art of Medieval Spain 1993. Р. 45, № 1; р. 234–235, № 107) и на архаичных камнях донормандского периода в Мюнстере (Йоркшир; см.: Cramp 1984). Но есть они и в позднее время, вплоть до XIV в. (надгробие из Северного Уэльса: Gresham 1968. Fig. 26 и др.). Наиболее близкий известный мне пример – крышка-плита саркофага одной из принцесс Уэльса (Джоан или Элеоноры, соответственно, после 1237 или после 1275 г.) в приходской церкви св. Марии и св. Николая в Бьюмарис, Англия (изображение: Gresham 1968. Fig. 25; подробнее см.: Беляев 1996. С. 56–62, 102 и др.).

Попытка привязать по крайней мере часть лильестен'ов к периоду ранней христианизации конца X – первой половины XI в. в Швеции, соотнеся их с мотивами византийской резьбы и ювелирных украшений (Rhodin, Gren, Lindblom 2000. S. 165–181) не вполне убедительна: мотивы декора широко распространены и сохранялись столетиями, оказывая влияние на последующие формы. Для датирования нужны доказательства помимо стилевых. В любом случае, плита у *Ryska kyrkan* очень отличается от стандартного лильестен'а – композиция сложнее, а исполнение более сочное, изображенные мясистые листья не похожи ни на схематические орнаменты камней старейшего диоцеза Скара (Вестергётланд), ни на их столь же сухие греческие прототипы.

Полагаю в связи со всем сказанным, что дата плиты у *Ryska kyrkan* может быть несколько позднее. Композиция и резьба близки к романским и готическим версиям XIII–XIV вв. Насколько легко было найти исполнителя для такой плиты в средневековом Висбю, не берусь судить. Так или иначе, но типологически с древнерусскими плитами связать ее невозможно. По отношению к церкви плита, вероятно, позже: она тесно прижата к стене и лежит строго вдоль нее. Вопрос абсолютной даты решится рассмотрением плиты в общем контексте памятников Западной Европы. Очевидно, что мы имеем здесь дело с погребением достаточно знатного лица.

Второй объект открыт против южного заплечика апсиды (Falsk 1971. Bild 1 och 4). Несмотря на внешнюю скромность, это явно столь же статусное погребение. Дело в том, что обкладка из каменных блоков с вы-

деленной нишей для головы – типичная форма престижных погребений в Северной Европе, от королей до епископов и аббатов. Аналоги обкладок, иногда с вытесанной в одном камне внутренней нишей, В. Фальск хорошо знал, поэтому форма погребения особого интереса у него не вызвала. Он указал на погребения в обкладках из церкви в Хаммарлунде под Лундом (в Средние века территория Дании) и в руинах церкви св. Климента на Готланде (найдено в 1907–1909 гг.; ссылки на источник нет; в руинах последней позже был найден шиферный подвесной крестик с кириллической надписью, см.: Медынцева 1994. С. 132–137; Она же 2000. С. 182–185).

В Хаммарлунде мы видим два захоронения в каменных обкладках, со специально вытесанными нишами для головы (Gustavsson, Weidhagen 1968. Р. 154–168). Их размещение в романской каменной церкви, по обе стороны от оси храма, в его западной круглой башне, явно указывает на высокий статус семьи (что это семья, вряд ли стоит сомневаться): в одном мужчина зрелых лет, в другом беременная женщина с двумя младенцами (видимо, умершими после смерти матери). В публикации 1968 г. даны сведения об устройстве могил: это обкладки из вертикально поставленных блоков песчаника, с вымазанным глиной полом и слабо выраженными «подушками» в нишах изголовья из раствора извести. Оба сооружения трапециевидные, оба перекрывались поперечными плитами. По-видимому, это донатор каменной церкви и женщина из его семьи (жена, дочь, сестра). При публикации погребения в Хаммарлунде мужское отнесли к концу XII (около 1180?), женское – до первых десятилетий XIII в.

Э. Густавссон и М. Вейдхаген, в свою очередь, приводят два примера: известное с середины XIX в. погребение в обкладке из королевского некрополя церкви в Рингстеде, Дания (Kongegravene i Ringsted Kirke 1858. Tf. X), зарисованное известным художником Х. Хансенom (Hansen, 1821–1890); оно аккуратно выложено из небольших, тщательно пригнанных камней. Другой аналог – найденное при раскопках 1925–1926 гг. в церкви монастыря св. Петра в Лунде (Engström 1927. Fig. 87, 94. S. 207–208). Вероятно, таких образцов после просмотра современной литературы наберется гораздо больше.

Важно указать, что эти выкладки с нишами для головы известны и в других областях Северной Европы. Впечатляющую серию таких выкладок выявили в 1957 г. под алтарной частью главного храма в очень известном приорате Уитхорн (Whithorn, Галлоуэй, Шотландия). Они теснятся к погребению основателя монастыря св. Ниниана, причем самые древние из этой (довольно разнообразной в деталях) серии из не менее чем 28 могил относят к XII в., но большая часть принадлежит XIII–XIV столетиям.

Антропоморфным погребальным сооружениям раннесредневековой и романской Европы следует посвятить большое исследование (пока см. о хронологии и генезисе антропоморфного саркофага: Беляев 2015. С. 365–374; Беляев 2018. С. 219–232). Совершенно ясно, что на Западе существовала своя, более или менее независимая от византийской и, тем паче, древнерусской традиция следовать при изготовлении гробов формам человеческой фигуры. В некоторых случаях, возможно, просто из экономии трудозатрат, если гробницы высекали прямо в скале, как у капеллы св. Патрика в Хэйшеме/Морекамбре (Англия) и в ранних монастырях Испании (см.: Беляев 1996. Рис. 11–12).

Возвращаясь в Висбю, отметим, что, по наблюдению В. Фальска, большинство других погребальных сооружений *Ryska kyrkan* – трапециодные в плане (всего их найдено 30, и часть предшествует церкви). Он упоминает 6 фрагментов крышек от саркофагов, но других сведений о них не приводится: идет ли речь об одной разбитой крышке или о нескольких – неясно. Публикация не дает также таблиц, размеров и других сведений об устройстве объекта (имелось ли дно, как был устроен подголовник, чем был заполнен гроб и т.п.). На фотографии видно, что плиты очень плохо обработаны как снаружи, так и внутри, что не типично для саркофагов, но характерно для обкладок. Правда, они довольно тонкие, а оглавые не вытесано в камне, а выложено из трех плит, что внешне сближает выкладку с антропоморфным саркофагом.

Все же ясно, что у *Ryska kyrkan* найден отнюдь не русский саркофаг, а характерный для Северной Европы романский гроб из плит с нишей для головы. Спутать их сложно: хорошо известные нам саркофаги, которые получают широкое развитие в Московском княжестве, а затем царстве с XV по середину XVII в., имеют совершенно иной облик. Они цельные, прекрасно вытесаны из светлого известкового камня, хорошо обработаны изнутри и снаружи, имеют четко оформленные детали: уступы, возвышения для головы, пригнанные крышки (часто разъемные). Такой саркофаг станет одним из маркирующих признаков «московской археологической культуры». Но это будет не ранее конца XIV в., что установлено давно (Беляев 1996. С. 106–110), а за истекшую треть века проверено статистически: кладбища Руси XII–XIV вв. (например, монастыря Рождества Богородицы во Владимире на Клязьме) дают только ящичные формы (см. библиографию: Беляев 2021. С. 166–168). А пик распространения антропоморфных гробов на Руси – с XVI до середины XVII в., когда их изготовлены сотни.

Сколько удастся установить, распространение антропоморфных саркофагов культурно-исторически связано с крестовыми походами, с новой средиземноморской традицией, возникшей в их ходе и влиявшей

на погребальные сооружения Запада вплоть до XIX в. Как именно эта форма попала в Москву – с византийского христианского Востока (через Крым?), или непосредственно от западных мастеров – пока не до конца ясно. Во всяком случае, о ней узнали не от романских каменотесов, работавших на Руси в середине – второй половине XII в.

Высокая хронология резко расходится с привычными датами *Ryska kyrkan* и ее кладбища. Зная об этом, О.М. Иоаннисян подошел к датировке саркофага с необходимой критичностью. Он отказался от взгляда середины XX в. (Н.Н. Воронин, А.Ф. Дубынин, позже Т.Д. Панова) на появление антропоморфных саркофагов на Руси в XII в., который держался на условном отнесении к домонгольскому времени двух каменных гробов, из Боголюбова и Суздаля. Указав на малую вероятность их появления до последней четверти XIII в., он подкрепил тезис отсылкой к распространению антропоморфных саркофагов в Европе не ранее XIII в., а на Руси – не ранее конца XIII – XIV в. (Иоаннисян 2007. С. 119–120: на самом деле, разрыв на 100 лет больше: не ранее конца XIV – XV в.).

Не все в порядке и с точки зрения стратиграфии. О.М. Иоаннисян считал, что погребение предшествует постройке церкви – на том основании, что над ним нависает край кладки апсиды. Но вернее будет противоположное: выкладка прижата к апсиде, которая при погребении уже существовала, иначе трудно объяснить разворот погребения осью вдоль дуги апсиды. В противном случае совершенно необъяснима эта «диагональная», по отношению к сторонам света, ориентация, иная, чем у всех остальных погребений на плане (они ориентированы вдоль оси храма). Нависание же кладок случается, если гроб (в том числе каменный) стремятся придвинуть как можно ближе к святому алтарю. Полагая, что погребение совершено при строительстве или, гораздо вероятнее, как в Хаммарлунде, вскоре после него.

Большой хронологический и культурно-географический разрыв делает просто невозможной связь погребения в обкладке у *Ryska kyrkan* с Новгородом, где такие обкладки вообще неизвестны, а каменные гробы имели иные формы – ладьеобразные (отчасти тоже антропоморфные) с фасетками на крышках, а чаще просто ящичные, как и на Северо-Востоке Руси (последние примеры см.: Седов 2014. С. 205–210). К русской традиции обкладка имеет не больше отношения, чем вышеописанный лильестен с того же кладбища. Зато она прекрасно ложится на карту распространения аналогичных форм в Европе XII–XIV вв.

Саму церковь шведские ученые (прежде всего Г. Сванстрём) относили к XIII в., О.М. Иоаннисян придерживался практически той же даты. Нельзя исключить и более позднее появление храма: как известно, в 1560-х гг. он отражен в документах, но, судя по наблюдениям при раскопках, существовал недолго.

Илл. 1. Погребения в каменных обкладках с выраженным оглавием в Северной Европе.
 1 – Висбю (о. Готланд), погребение на участке Ryska kyrkan, вид с северо-востока (по: Falsk 1971); 2 – Рингстед (о. Зеландия, Дания), одно из погребений в церкви св. Бернкта (по: Kongegravene i Ringsted Kirke, 1858); 3 – Хаммарлунда (Сконе, Швеция), погребение романского периода (по: Gustavsson, Weidhagen, 1968); 4 – Галлоуэй (Шотландия), центральная группа погребений в приорате Уитхорн (<https://www.nms.ac.uk/explore-our-collections/stories/scottish-history-and-archaeology/the-medieval-bishops-graves-from-whithorn/>)

Fig. 1. Burials in stone facings with a pronounced head niche in Northern Europe.
 1 – Visby (Gotland, Sweden), burial at the Ryska kyrkan, viewed from N-E (after Falsk 1971);
 2 – Ringsted (Zealand, Denmark), one of the burials in the St Bernard church (after Kongegravene i Ringsted Kirke, 1858); 3 – Hammarlunda (Skåne, Sweden), a burial of the Romanesque period (after Gustavsson, Weidhagen, 1968); 4 – Galloway (Scotland), central group of burials in the priory Whithorn (<https://www.nms.ac.uk/explore-our-collections/stories/scottish-history-and-archaeology/the-medieval-bishops-graves-from-whithorn/>)

Если говорить о культурной принадлежности двух погребальных памятников, то один из них – резная плита – может относиться к бесчисленным дериватам византийской традиции на раннем романском Западе. Но к Древней Руси никакого отношения не имеет. Второй объект, обкладка

с прямоугольным выступом для головы, связать с Русью затруднительно – как с Новгородом, так и с Москвой. Ничего особенно русского ни в архитектуре церкви, ни тем более в ее кладбище не наблюдается. Ее ассоциация с Русью – всецело в пределах топонимики, трактовки письменных источников и картографии.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Андрощук Ф.А.* Русь и византийские контакты Скандинавии в XI–XIV вв. // *Stratum plus. Археология и культурная антропология.* 2014. № 5. С. 199–212. [*Androshchuk F.A.* Rus' i vizantijskie kontakty Skandinavii v XI–XIV vv. (Rus' and the Byzantine Contacts of Scandinavia in the 11th–14th Centuries) // *Stratum plus. Arheologiya i kul'turnaya antropologiya.* 2014. № 5. S. 199–212.]
- Беляев Л.А.* Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М., 1996. [*Belyaev L.A.* Russkoe srednevekovoe nadgrobie. Belokamennye plity Moskvy i Severo-Vostochnoj Rusi XIII–XVII vv. (Russian Medieval Gravestones. White-stone Slabs in Moscow and North-Eastern Rus'. 13th–17th Centuries). Moscow, 1996.]
- Беляев Л.А.* Романо-готический след в строительстве западных городов Руси (середина XII – первая треть XIII в.) // *История: дар и долг. Юбилейный сборник в честь А.В. Назаренко.* М., 2010. С. 12–24. [*Belyaev L.A.* Romano-goticheskij sled v stroitel'stve zapadnyh gorodov Rusi (seredina XII – pervaya tret' XIII v.) (The Romanasque-Gothic Traces in the Constructions in the Western Towns of Rus' (Middle of the 12th – First Third of the 13th Centuries)) // *Istoriya: dar i dolg. Yubilejnyj sbornik v chest' A.V. Nazarenko.* Moscow, 2010. S. 12–24.]
- Беляев Л.А.* Заметки по истории антропоморфных саркофагов в Европе и России // *Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию академика Н.А. Макарова.* М.; Вологда, 2015. С. 365–374. [*Belyaev L.A.* Zametki po istorii antropomorfnyh sarkofagov v Evrope i Rossii (Notes on the History of Anthropomorphic Sarcophagi in Rus', 15th–17th Centuries) // *Goroda i vesi srednevekovoj Rusi: arheologiya, istoriya, kul'tura: k 60-letiyu akademika N.A. Makarova.* Moscow; Vologda, 2015. S. 365–374.]
- Беляев Л.А.* К хронологии антропоморфных саркофагов Руси XV–XVII вв. // *КСИА.* 2018. Вып. 252. С. 219–232. [*Belyaev L.A.* K hronologii antropomorfnyh sarkofagov Rusi XV–XVII vv. (On the Chronology of Anthropomorphic Sarcophagi in Rus', 15th–17th Centuries) // *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii RAN.* 2018. Vyp. 252. S. 219–232.]
- Беляев Л.А.* Московские типы: к истокам традиций // *Русь в XIII–XV веках. Новые открытия в области археологии и истории.* М., 2021. С. 166–177.

[*Belyaev L.A.* Moskovskie tipy: k istokam traditsij (Moscow Types: On the Sources of Traditions) // *Rus' v XIII–XV vekah. Novye otkrytiya v oblasti arheologii i istorii.* Moscow, 2021. S. 166–177.]

Васильева С.Я. Традиции византийско-русского искусства в живописи острова Готланд XII – начала XIII в. Автореферат дисс... канд. ист. наук. М., 2010. [*Vasilyeva S.Ya.* Tradicii vizantijsko-russkogo iskusstva v zhivopisi ostrova Gotland XII – nachala XIII v. (Traditions of the Byzantine-Russian Art in the Paintings of the Island of Gotland in the 12th and the Beginning of the 13th Century). Avtoreferat diss... kand. ist. nauk. Moscow, 2010.]

Иоаннисян О.М. Архитектура Древней Руси и средневековой Скандинавии. Их взаимосвязи // ТГЭ. СПб., 2007. Вып. XXIV: Изучение и реставрация памятников древнерусской архитектуры и монументального искусства. С. 99–135. [*Ioannicyan O.M.* Arhitektura Drevnej Rusi i srednevekovoj Skandinavii. Ih vzaimosvyazi. (Old Russian and Medieval Scandinavian Architecture. Their Interrelations) // *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha.* St-Petersburg, 2007. Vyp. XXIV: Izuchenie i restavraciya pamyatnikov drevnerusskoj arhitektury i monumental'nogo iskusstva. S. 99–135.]

Кудрявцев И.Н. Воздействие русской и византийской культур на искусство и архитектуру Готланда в эпоху Средневековья // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера. Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1989. С. 111–119. [*Kudryavtsev I.N.* Vozdejstvie russkoj i vizantijskoj kul'tur na iskusstvo i arhitekturu Gotlanda v epohu Srednevekov'ya (The Impact of Russian and Byzantine Culture on the Art and Architecture of Gotland in the Middle Ages) // *Problemy issledovaniya, restavratsii i ispol'zovaniya arhitekturnogo naslediya Russkogo Severa.* Mezhvuzovskij sbornik. Petrozavodsk, 1989. S. 111–119.]

Липатов А.А. Размышления над книгой о Византии и Готланде (Lagerlöf, Erland. Gotland och Bysans: Bysantinskt inflytande på den gotländska kyrkokonsten under medeltiden. Visby: Ödin AB, 1999) // Археологические вести. СПб, 2001. № 8. С. 281–288. [*Lipatov A.A.* Razmyshleniya nad knigoj o Vizantii i Gotlande (Reflections on the Book about Byzantium and Gotland): Lagerlöf, Erland. Gotland och Bysans: Bysantinskt inflytande på den gotländska kyrkokonsten under medeltiden. Visby: Ödin AV, 1999) // *Arheologicheskie vesti.* St-Petersburg, 2001. № 8. S. 281–288.]

Медынцева А.А. Древнерусская надпись на крестике из Висбю (о. Готланд) // Scando-Slavica. 1994. Т. 40. С. 132–137. [*Medyntseva A.A.* Drevnerusskaya nadpis' na krestike iz Visbyu (o. Gotland) (Old Russian Inscription on a Cross (Gotland)) // *Scando-Slavica.* 1994. Т. 40. S. 132–137.]

Медынцева А.А. Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X – первой половины XII века. М., 2000. [*Medyntseva A.A.* Gramotnost' v Drevnej

- Rusi. Po pamyatnikam epigrafiki X – pervoj poloviny XII veka (Literacy in Ancient Rus'. On the Basis of Epigraphic Monuments of the 10th – the First Half of the 12th Century). Moscow, 2000.]
- Седов Вл.В.* О происхождении древнерусских храмов с прямоугольными алтарными выступами // РА. 2019. № 3. С. 40–49. [*Sedov V.I.* O proiskhozhdenii drevnerusskikh hramov s pryamougol'nymi altarnymi vystupami (On the Origins of Old Russian Churches with Rectangular Altar Projections) // Rossijskaya arheologiya. 2019. № 3. S. 40–49.]
- Седов Вл.В.* Каменный саркофаг из Новгородского Пантелеймонова монастыря // КСИА. 2014. № 236. С. 205–210. [*Sedov V.I.* Kamennyj sarkofag iz Novgorodskogo Pantelejmonova monastyrya (The Stone Sarcophagus from the Novgorod Monastery of St Panteleimon) // Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii RAN. 2014. № 236. S. 205–210.]
- Шаскольский И.П.* Памятники русско-византийского искусства на острове Готланд // ВИД. Т. 23: XVIII Междунар. конгр. византистов (Москва, 8–15 августа 1991). М., 1991. С. 134–143. [*Shaskolskiy I.P.* Pamyatniki russko-vizantijskogo iskusstva na ostrove Gotland (Monuments of Russian-Byzantine Art on the Island of Gotland) // Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny. T. 23: XVIII Mezhdunar. kongr. vizantinistov (Moskva, 8–15.08.1991). Moscow, 1991. S. 134–143.]
- The Art of Medieval Spain: A.D. 500–1200. N.Y., 1993.
- Cramp R.* Corpus of Anglo-Saxon Stone Sculpture in England. Oxford, 1984. Vol. I: County Durham and Northumberland.
- Engström B.* De arkeologiska utgrävningarna vid St Peters kloster i Lund åren 1925–1926 // Fornvännen. 1927. Årg. 22. S. 193–216.
- Falsk W.* Ryska kyrkan i kv. Munken // Gotländskt Arkiv. Visby, 1971. S. 85–93.
- Gresham C.A.* Medieval Stone Carving in North Wales. Sepulchral Slab and Effigies of the Thirteenth and Fourteenth Centuries. Cardiff, 1968.
- Gustavsson E., Weidhagen M.* Investigations in Hammarlunda Church // Res Mediaevalis. Archaeologica Lundensia, 3: Festschrift Ragnar Blomqvist. Lund, 1968. P. 154–168.
- Hassig D.* He Will Make Alive Your Mortal Bodies: Cluniac Spirituality and the Tomb of Alfonso Ansures // Gesta. 1991. Vol. 30 (2). P. 140–153.
- Kongegravene i Ringsted Kirke. Kjøbenhavn, 1858.
- Lagerlöf E.* Gotland och Bysans: Bysantinskt inflytande på den gotländska kyrkokonsten under medeltiden. Visby, 1999.
- Rhodin L., Gren L., Lindblom V.* Liljestenarna och Sveriges kristnande från Bysans // Fornvännen. 2000. Årg. 65. S. 165–181.
- Vasilyeva S.* Bysantinska traditioner i Gotlands konst under 1100-talet // Fornvännen. 2009. Årg. 111/2. S. 97–111.

Zarnecki G. Henry of Blois as a Patron of Sculpture // Art and Patronage in the English Romanesque. L., 1986. P. 159–172.

Leonid A. Belyaev

BURIAL STRUCTURES AT RYSKA KYRKAN (VISBY, GOTLAND): CLARIFICATION OF ATTRIBUTION

The paper deals with the chronology and cultural definition of two funerary objects found during the excavations of the “Russian Church” (*Ryska kyrkan*) in Visby (Gotland, Sweden). A comparative analysis of one of them, close to the *Liljestenar* tradition, shows that its own date lies within the 12th–14th centuries, and its artistic features are characteristic rather of Western Europe, primarily England, of the late Middle Ages. This is not a standard tombstone of this type, but a complex composition, including the image of large and succulent leaves, not similar to the schematic ornaments of Västergötland. The second object, a stone lining in the shape of a human body with a niche for the head, has so far been associated with the Russian (namely Novgorodian) tradition (O.M. Ionnisyan and others). But in this case it should be dated no earlier than the end of the 14th century, as only from that time anthropomorphic coffins came into use in Russia, and exclusively in the Moscow Principality. The lining from Visby obviously belongs to the western branch of the tradition of anthropomorphic stone receptacles for the human body: such cuttings are known in Europe from the 10th–11th centuries, they appear as a stone linings during the Crusades in the 12th century, and as whole sarcophagi – later, in the 13th century. They are well known in Scandinavia as well. As a result, the identification of the funerary object from Visby changes: this model is not brought here from Russia, there are simply no such products in Novgorod. As for the whole sarcophagi made of limestone, they will begin to appear in Russia not earlier than the end of the 14th century. Thus, during the excavations of *Ryska kyrkan* nothing of Russian origin was found. The new interpretation of the funeral complex in Visby also makes a change in the history of the burial structures of Russia. It allows to bring to the discussion of the problem of the appearance of white stone sarcophagi of Moscow a group of stone linings with a niche for the head, common in Northern Europe.

Keywords: burial rite, anthropomorphic sarcophagi, tombstones with lilies (*Liljestenar*), Novgorod the Great, Moscow, medieval architecture

DOI: 10.32608/1560-1382-2024-45-305-316